

Владимир
и Галина **КУЗИЧКИНЫ**

КГД

**МИФЫ
И РЕАЛЬНОСТЬ**

**ВОСПОМИНАНИЯ
СОВЕТСКОГО
РАЗВЕДЧИКА
И ЕГО ЖЕНЫ**

Свидетель эпохи

Галина Кузичкина (Кокосова)

**КГБ. Мифы и реальность.
Воспоминания советского
разведчика и его жены**

«ЭКСМО»

2022

УДК 929:351.746(470)
ББК 67.401.212

Кузичкина (Кокосова) Г. Л.

КГБ. Мифы и реальность. Воспоминания советского разведчика и его жены / Г. Л. Кузичкина (Кокосова) — «Эксмо», 2022 — (Свидетель эпохи)

ISBN 978-5-04-193538-2

Впервые на русском языке сенсационные воспоминания бывшего советского разведчика, объявленного «предателем Родины» и заочно приговоренного КГБ. Тегеран. 2 июня 1982 года. Молодой блестящий переводчик с персидского и его красавица-жена оказываются заложниками реальной шпионской истории в стиле фильмов о Джеймсе Бонде. Галина Кузичкина – жена советского разведчика Владимира Кузичкина, объявленного в 1982 году «перебежчиком и предателем Родины». Она более 30 лет скрывала то, что Владимир не был убит в Лондоне по «заочному приговору» КГБ. Знакомые и коллеги считали Кузичкина мертвым. Но Галина знала, что это не так... Владимир Кузичкин шаг за шагом раскрывает тонкости и секреты работы самой успешной спецслужбы мира: – принципы отбора сотрудников; – приемы вербовки агентов КГБ; – организацию разведывательных операций; – внутрикорпоративную конкуренцию в КГБ. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929:351.746(470)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-04-193538-2

© Кузичкина (Кокосова) Г. Л., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	8
Часть первая. Подготовка	11
Глава 1	11
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир и Галина Кузичкины КГБ. Мифы и реальность. Воспоминания советского разведчика и его жены

«Истина – дочь времени, а не авторитета».

Ф. Бэкон

© Галина Кокосова, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Книга «Inside the KGB. Myth and Reality» была издана в Великобритании в 1990-м. Рукопись на русском языке пролежала у меня больше 20 лет. Володя прислал мне ее, надеясь, что я смогу опубликовать его книгу, и неоднократно в телефонных разговорах говорил, что мне нужно написать свою личную историю.

Побудительной причиной и стимулом сделать это сейчас послужила замечательная книга Жанны Голубицкой «Тегеран-1360» (Лондон, 2020), в которой рассказывается об этих же событиях в Иране, но увиденных глазами 10-летней девочки. Книга «Тегеран-1360» собрала вокруг автора много людей, являющихся свидетелями происходящего в Иране в те годы. И оказалось, что это интересно до сих пор.

Многих героев книги «КГБ. Миф и реальность» уже нет, события сорокалетней давности, казалось бы, никого не должны интересовать, но история многому учит; все циклично и может повториться в том или ином виде. Используя книгу Кузичкина в качестве «канвы», я взяла на себя смелость добавить свои личные впечатления от людей и событий, никоим образом не претендуя на знание оперативной работы мужа, резидентуры и КГБ в целом.

В течение одиннадцати лет я была женой Владимира Кузичкина, поэтому почти все то, о чем он пишет «я», было «мы». Прошу прощения у тех, кого может задеть данная Владимиром оценка некоторых персон, но это его мнение, и я оставила все так, как он написал.

Г. КОКОСОВА-КУЗИЧКИНА

* * *

В 1984 году Центральный комитет Коммунистической партии Великобритании направил в Болгарию журналиста своего печатного издания газеты «Морнинг Стар» Грема Аткинсона для освещения пресс-конференции по делу Сергея Антонова, обвиняемого итальянскими властями в участии в покушении на жизнь Папы Римского Иоанна Павла II. В Софии «неожиданно» в контакт с Аткинсоном вступил болгарин, назвавшийся Энчо Митовым. Без особых церемоний Митов предложил Аткинсону оказать помощь в поисках майора Владимира Кузичкина, сбежавшего в Англию из Тегерана, для того, чтобы «или похитить его, или убить». В случае успеха операции Митов пообещал, что Аткинсону будет выплачена сумма в сто тысяч американских долларов. Аткинсон принял это предложение, после чего Митов назвал ему имя руководителя операции – первого секретаря Посольства Болгарии в Лондоне Радослава Цанчева. Вступать в прямой контакт с Цанчевым Аткинсону не разрешалось. В качестве связного болгары дали ему англичанина, видного деятеля компартии Великобритании, руководителя англо-болгарского профсоюза и Общества дружбы Лена Доусона. Был также отработан и

запасной вариант. В случае отсутствия Доусона Атkinson должен был передать свое донесение Цанчеву, оставив запечатанный конверт на его имя в представительстве «Балкан Эйрлайн» в Лондоне.

Вернувшись домой и, видимо, поразмыслив, Атkinson решил, что подобного рода коммунистическая деятельность не для него. Однако финансовая сторона этой истории была настолько привлекательна, что упустить возможность сделать деньги было бы просто глупо, и Атkinson продал «Историю своего приключения» четвертому каналу АЙ ТИ ЭН. В результате в апреле 1986 года в эфир вышла программа «20/20 Вижен», и таким образом всем стало известно о заговоре.

То, что меня пытаются найти, новостью не было. Каждый офицер КГБ, ушедший на Запад, заочно приговаривается к смертной казни. КГБ обычно предпринимает меры для того, чтобы найти перебежчика, но поиски осуществляются только средствами самого КГБ. А средства эти и возможности не очень-то и велики. Фотография перебежчика направляется в местную резидентуру и с ней знакомят работающих в стране нелегалов. К поискам могут быть подключены особо доверенные агенты. Вот, пожалуй, и все.

В описываемом же случае к операции были привлечены члены Коммунистической партии Великобритании, что ясно указывает на то, что КГБ играет в этом деле второстепенную роль. Главная же роль принадлежит ЦК Коммунистической партии Советского Союза.

Каждому разведчику КГБ известно, что ЦК КПСС категорически запрещает КГБ даже близко подходить к членам коммунистических партий, не говоря уже об использовании их в операциях подобного рода. Только ЦК КПСС мог дать указание КПВ направить своего члена в Болгарию и только с благословения того же ЦК болгары могли начать эту операцию.

За последние лет двадцать про КГБ написано очень много, но значительная часть этой информации является фантазией авторов. КГБ представляется огромным монстром, терроризирующим весь Советский Союз, включая и «бедное» Политбюро, и другие страны мира. Западная общественность загипнотизирована всеилием КГБ в их странах, выходящим за рамки всякой логики.

Но правда ли все это? Действительно ли во всем, что происходит в СССР, виноват КГБ? Действительно ли так уж всеилен КГБ за рубежом? Кому может быть выгодна вся эта шумиха вокруг КГБ по всему миру и почему?

Правда известна только офицерам этой организации. И реальный образ КГБ настолько отличается от выдуманного, что многим это может показаться невероятным. Но, как это всегда и бывает, правда оказывается невероятнее, чем самые досужие выдумки.

Основное содержание этой книги посвящено событиям и активности КГБ в Иране в период с 1977 по 1982 год, свидетелем и участником которых был автор. Иранские события широко переплетаются с тем, что происходило в Советском Союзе, Афганистане и других странах мира в этот период.

В этой книге я ничего не говорю о своей семье и не упоминаю имен родственников и друзей. Все они остались в СССР и до сих пор находятся под контролем властей.

В. КУЗИЧКИН

Пролог

Всегда, когда в жизни что-то заканчивается, то обязательно начинается нечто новое, не плохое или хорошее, а совершенно другое. 2 июня 1982 года мой муж Владимир Андреевич Кузичкин шагнул в это другое, в неизвестность, а меня туда швырнут, или, точнее, катапультируют, тремя днями позже – 5 июня.

После разговора с мужем по телефону утром 2 июня я была спокойна и счастлива. Начало лета, впереди приезд Володи, отпуск, отдых, что-то приятное и радостное. А пока собираемся с мамой на дачу, сумки упакованы, вызываем такси. Звонит телефон. Голос узнаю сразу – начальник Володи Исмаил, мы знакомы семьями. «Галя, с тобой хочет поговорить руководство, я сейчас за тобой заеду». Звонок не вызвал во мне никакой тревоги, ничего особенного, это, наверное, о работе, ведь я работала какое-то время в резидентуре, и только жена моего брата, услышав этот разговор, сказала: «Что-то случилось...»

Черная служебная «Волга» приехала моментально. И доехали мы быстро, у водителя явно был карт-бланш на соблюдение правил дорожного движения и скорость. Мы чуть не заплатили за это – на повороте машину занесло и закрутило, на асфальте было большое масляное пятно. Но все обошлось. Суббота, машин рядом не было. Москва 1982 года очень отличается от Москвы 2022-го.

Не помню, через какой подъезд здания на Лубянке мы вошли. Коридоры мне знакомы, я уже была здесь; впечатления остались ужасные, все тогда было обшарпанным: полы, двери, столы, стулья.

Комната небольшая. Окно выходит на улицу Кирова. На стене портрет Дзержинского, выполненный инкрустацией по дереву.

Двое мужчин. Один худой, почти голый череп. Второй более плотный, в очках. Теперь я знаю, что это были Юрий Иванович Дроздов и Вадим Алексеевич Кирпиченко. Начальник Управления нелегальной разведки и первый заместитель начальника ПГУ. Говорил Дроздов, а Кирпиченко внимательно смотрел на меня, видимо, оценивая мою реакцию на задаваемые вопросы.

«Ваш муж вышел с территории посольства в среду 2 июня и не вернулся». Остальной разговор я помню плохо. Вопросы были всякие. Например: «Почему в квартире в Тегеране мало ваших вещей?» Отвечаю, что ехала в межсезонье, пришлось брать почти все. «О чем вы говорили по телефону 2 июня и зачем звонили в этот день в Тегеран?» Из Москвы в посольство можно было звонить только на номер телефона, установленного на проходной посольства, то есть все разговоры были абсолютно публичными, все знали – кому, когда, кто звонил и о чем беседовали.

А почему позвонила? Да потому, что уже поняла, что мне незаслуженно повезло быть женой необыкновенного мужчины и любить его: умного, талантливого, доброго, смелого, очень привлекательного внешне и (о счастье, о чудо!) любящего меня. И я захотела услышать его голос, хотя бы так побыть рядом с ним.

* * *

...Сейчас это называют «тормозом», вот и я чувствовала себя полным «тормозом». Конечно, поняла я это значительно позже. А тогда, осенью 1970 года, я ничего о себе не знала. Я была очень грустной и одинокой 22-летней девушкой; я не была ни в кого влюблена, особо близких подруг и друзей не было, после ухода папы все в моей жизни пошло по почти

катастрофическому сценарию. Период с 1965 года, когда умер папа, и до встречи с Володей – самые печальные годы моего существования.

Октябрь, идет дождь, на улице не очень приятно. Поэтому мой сосед и бывший одноклассник Олег со своей девушкой пришли ко мне. Сидим, болтаем о пустяках. И когда позвонила наша с Олегом одноклассница и позвала меня к себе, я сказала, что сейчас приеду. Подумала – дойдем до метро, я сделаю вид, что еду на Кутузовский, а сама вернусь домой. Но так не получилось, от нечего делать они решили проводить меня прямо до дома Ирки, а где она живет, Олег прекрасно знал – рядом с нашей школой. Мы же одноклассники!

Старый дом сталинской постройки. Комната в коммунальной квартире, соседи не живут. Ира успела побывать замужем и развестись. Хотя я тоже уже многое пережила, она все равно увереннее и смелее. Вхожу в комнату и вижу двух совсем не трезвых молодых. Пытаются со мной о чем-то беседовать; мне абсолютно не интересны ни их разговоры, ни они сами. Как потом вспоминал Володя, чем-то я его заинтересовала («пришло что-то мелкое и злое») и он решил срочно протрезветь. Для этого ушел в ванную и долго там находился.

Когда мы расходились, номер моего телефона попросил не Володя, а его приятель Жора. Они учились на одном курсе. Курс был первый, язык они учили разный, но уже успели подружиться, и Володя пригласил Жору жить к себе, так как тот был иногородним. Поэтому приглашение Жоры прийти в гости одновременно было и приглашением прийти к Володе. Именно тогда и там я впервые узнала о рок-группах. Услышала «Роллинг Стоунз», слушала «Битлз». Я не знала ни названий, ни музыки. А Володя и Жора любили рок. И еще часто работала какая-нибудь англоговорящая или на фарси говорящая радиостанция, это помогало в изучении языка. Они оба относились к учебе очень серьезно.

Новый, 1971 год я встречала в больнице. Сколько раз моему мужу пришлось навещать меня в больницах, переживать из-за меня на расстоянии! Но это будет потом. Праздник приближался, полно посетителей, все несут в больницу самое вкусное, надо же поддержать близких. Я лежу в отдельной палате, больница ведомственная, вход через проходную по предварительной заявке. Поговорила с Володей по телефону, телефон-автомат на этаже есть, и даже нет очереди. Сессия, времени нет, они не приедут. И вдруг в палате появляется Жора, с цветами и шоколадом. Сияет и лезет ко мне целоваться. Он прошел по заранее заказанному мной пропуску. Володе о намерении меня навестить он ничего не сказал.

Жора был на нашей свадьбе. Он успешно окончил ИСАА и стал журналистом-международником, я видела его репортажи.

Февраль, сессия позади, и к Володе в гости из Ленинграда приезжает его армейский товарищ Юра Венедиктов. Удивительный человек, верный, скромный и преданный друг. Его не стало в ноябре 2020-го, и все эти годы у меня были самые теплые отношения с ним и его женой Раей. Я называла его символом стабильности – с того далекого дня нашего знакомства у него не поменялся ни адрес, ни номер домашнего телефона, только улице вернули название Гороховая, вместо Дзержинского, самый центр Петербурга. Юра – коренной ленинградец, его мама, будучи совсем молодой девушкой, во время блокады дежурила на крыше и тушила зажигательные бомбы, была ранена.

Гуляем по Москве. Популярный в то время пивной бар на углу Пушкинской и Столешникова переулков. Мне скучно, я не пью пиво, сижу и слушаю бесконечные армейские воспоминания о трех годах службы в ГДР. И вдруг Юра говорит: «Ребята, а почему бы вам не пожениться?»

Мне пора домой. Володя порывается отвезти меня на такси, но я отказываюсь и сажусь в троллейбус, который не довозит меня прямо до дома, а надо идти одну остановку пешком. Я иду. Вхожу в свой подъезд, за мной входит мужчина, пытается вырвать сумку у меня из рук. Денег там нет вообще, но сумка кожаная, дорогая, и я вцепилась. По лицу получила удар такой силы, что отлетела в стену и в голове зазвенело. Он вырывает сумку и убегает.

Когда вошла в квартиру и зазвонил телефон, моя испуганная мама почему-то решила, что это звонит грабитель, и закричала: «Не бери трубку!» Звонил Володя, он хотел узнать, как я добралась. Он примчался к нам, и моя мама впервые увидела своего будущего зятя.

Ночь. Время от времени милиция подвозит к нашему дому одиноких мужичков и меня спрашивают: «Он?» Володя договорился с милиционерами, что сначала «поговорит» с напавшим на меня сам, а потом уж они. Не поймали.

Утро. Лицо болит и опухло. На щеке образовалась гематома, пришлось обращаться к врачам и лечить. Я никогда не была писаной красавицей, а в то утро после бессонной ночи и с перекошенной физиономией, наверное, была особенно хороша. Через много-много лет Володя скажет мне об этом так: «Когда я утром увидел тебя, ты была такая страшная и несчастная, что я решил обязательно на тебе жениться».

Так он и сделал. Мы поженились 7 мая 1971 года. Расписались во Дворце бракосочетания на Ленинградском проспекте, а отмечали событие в самом модном тогда ресторане «Арбат» на Калининском проспекте. Но запомнился следующий день.

Было в Москве в то время такое заповедное место, о существовании которого знали и посещать которое могли только избранные, – «стекляшка» в Измайловском парке с громким именем ресторан «Лесной». Попали мы туда благодаря моим школьным друзьям, входим в это заведение. Ресторан работал всю ночь, в зале было много иностранцев, особенно итальянцев. И всю ночь пел неподражаемый Леонид Бергер. Он и по сей день сохранил голос, а тогда вокал был выше всяких похвал, как и репертуар. Лёня пел на русском, английском и итальянском. Все подпевали и танцевали. Настроение у всех было отличное, праздник удался!

Часть первая. Подготовка

Глава 1

В конце ноября 1973 года я, студент исторического факультета Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, готовился к отъезду на преддипломную практику в Иран.

Моими основными дисциплинами в ИСАА были история Ирана и персидский язык. Но, кроме того, студенты изучают еще и массу других предметов: история СССР, Всемирная история – первобытный строй, Египет, Греция, Рим, Средневековье, новая и новейшая история мира. Отдельно читалась нам история Востока в полном объеме. Еще приходилось изучать диалектический материализм, классическую философию, марксистско-ленинскую философию и политическую экономию. В языковом плане одного восточного языка недостаточно, чтобы быть вполне подготовленным востоковедом. Нужно иметь возможность читать западные источники, для чего необходимо владеть одним из западных языков. Студенты ИСАА изучают английский или французский в зависимости от колониального прошлого той или иной страны. В моем случае это был английский язык. Но чтобы не быть специалистом только по одной стране Востока, а по региону в целом, необходимо знать еще второй восточный язык. Мне достался арабский. Неудивительно, что срок обучения в ИСАА 5 лет, а с заграничной практикой 6 лет. Но жаловаться не приходилось. Академическая подготовка в нашем институте была лучшей в стране.

На каждой кафедре был один преподаватель, который отвечал за практику студентов. Не было у них много работы, так как почти все студенты, кому предлагали выезд за границу, имели свои собственные подготовленные каналы. Так было и в моем случае. Ответственный за практику с моей кафедры сказал, что принято решение направить меня в Иран, и спросил, есть ли у меня собственные возможности. Свои возможности я подготовил заранее. Предложение поехать в Иран не застало меня врасплох. Политически я считался благонадежным. Успешность у меня была хорошая, три года я был старостой курса и членом партийного бюро института. К тому же, будучи москвичом, жил я у себя дома, а не в университетском общежитии. Это значит, что моя личная жизнь не была под надзором стукачей. Вот с учетом всего этого с начала 4-го курса я начал искать свой канал и вскоре нашел. По совету одного из наших студентов со старшего курса, который уже успел побывать в Иране, я обратился во внешнеторговое объединение «Тяжпромэкспорт» Государственного комитета по внешнеэкономическим связям (ГКЭС), которое строило металлургические предприятия и другие объекты в развивающихся странах. В Иране по их линии работали тысячи специалистов, и, естественно, им нужны были переводчики.

И вот как только в ИСАА мне предложили поехать в Иран, я схватил письмо из деканата в командирующую организацию, отнес его в «Тяжпромэкспорт», и колесо оформления закрутилось.

Вскоре мне позвонили из ГКЭС и сказали, что решение ЦК о моем командировании в Иран получено и они планируют отправить меня где-то в начале декабря. Хорошая новость! И я бегал по институту, утрясая последние проблемы и сочувствуя своим сокурсникам, которым предстояла зимняя сессия.

Вдруг меня вызвали в деканат и сказали, что со мной хотят переговорить. Кто и о чем, мне не сказали.

– Да некогда мне, – говорю, – мне за билетами идти нужно и чемодан укладывать.

– Ничего, это быстро, – говорит декан и хитровато улыбается.

Перед одной из комнат деканата стояла группа студентов с моего курса. Я спросил их, о чем с нами собираются говорить. Никто не имел ни малейшего понятия. Я попросил пропустить меня без очереди, так как очень спешил за билетами на самолет. Возражений не было, все с пониманием относятся к отъезжающим за границу. В этот момент дверь открылась и вышел наш студент. Глаза в пол, красный как рак.

– О чем там говорят, Костя? – спросил я.

– Сам узнаешь! – ответил он глухим голосом и заспешил вниз по лестнице. Позже я узнал, что Костя ответил «нет».

Я вошел. В комнате налево от двери за столом сидел молодой человек лет 30, приятной наружности, в добротном сером костюме. Лицо его имело строгое, но доброжелательное выражение. Поздоровавшись, он предложил мне сесть.

– Я из Комитета государственной безопасности, – сказал он и развернул передо мной удостоверение в красном переплете. Внутри я увидел его фотографию и успел прочесть имя – Николай Васильевич.

– Мы вас знаем, – продолжал он, строго глядя на меня, – и вы нам подходите. Мы предлагаем вам после окончания университета поступить в разведку. Вы можете подумать над нашим предложением несколько дней и потом дать ответ. Вот мой номер телефона, – он протянул мне листок бумаги. – Я хочу вас попросить ни с кем не говорить о нашей беседе, кроме ваших ближайших родственников. С ними вы можете обсудить наше предложение. Мы знаем, что вы уезжаете в Иран и времени у вас мало, но будьте так добры выкроить пару часов и заполнить наши анкеты, если, конечно, решите принять наше предложение, – он улыбнулся.

Я взял анкеты и, попрощавшись, вышел из комнаты.

Нужно сказать, что беседа с Николаем Васильевичем произвела на меня приятное впечатление. Все было очень пристойно: никакого хамского панибратства, не было покровительственного тона, не было сверлящего взгляда в упор и запугивания тем, что ИМ про меня все известно, не было угроз, что, мол, «в случае разглашения... у нас длинные руки» и прочее. Ничего из того, что обычно сообщается «сведущими» людьми о беседах подобного рода. Само же предложение поступить в разведку мне очень польстило.

Разведка – это почетная, трудная, романтическая работа на благо нашей Родины. Туда принимают только наиболее способных и кристально чистых людей. Работа разведки воспевается и восхваляется в книгах и кинофильмах, которые пользуются огромной популярностью. Честь попасть в члены этой элиты интеллектуалов выпадает не каждому. Так думают люди.

Так думал и я после разговора с сотрудником КГБ. Размышляя таким образом, я решил принять предложение стать разведчиком, заполнил все необходимые анкеты и позвонил Николаю Васильевичу. Мы встретились на улице Кузнецкий Мост, где в доме № 27 располагается отдел кадров КГБ. Николай Васильевич предложил мне пройти медицинскую комиссию перед отъездом, но я отказался, так как до отъезда у меня оставалось всего несколько дней. Он не настаивал. Перед тем как расстаться, он сказал:

– В Иране ты будешь переводчиком в постоянном контакте с иностранцами. Тебя, несомненно, постарается завербовать контрразведка местной резидентуры КГБ. Наша инструкция тебе – с ними в контакт не вступай, от их предложений сотрудничать вежливо отказывайся, и о наших отношениях они знать не должны. Мы не хотим тебя засветить на их грязных делах. Если нашим людям нужно будет вступить с тобой в контакт, то тебе передадут привет от Николая Васильевича.

Что такое контрразведка, резидентура, какими такими грязными делами она занимается и кто такие «наши люди», я не имел ни малейшего представления; понял одно: что имею дело с очень серьезной организацией и что она уже начала беспокоиться о моей безопасности. Это еще раз убедило меня в том, что выбор сделан правильный.

Вылетал я в Тегеран 6 декабря 1973 года из Международного аэропорта Шереметьево. Полет занял три с половиной часа. К Тегерану мы подлетали близко к полуночи. Это было захватывающее зрелище! Тегеран лежал внизу морем ярких, разноцветных мигающих огней, как на иллюминации. Трудно было поверить, что это обычное освещение. А ведь так оно и было.

Самолет приземляется в аэропорту Мехрабад. На улице в нос сразу же бьет запах керосина и солянки, обычный запах зимнего Тегерана. К трапу подают автобус. Еще в салоне самолета обращаю внимание на пару лет пятидесяти. Он явно восточный человек, а она европейка. Но не их внешность меня заинтересовала, а меховой капор и шуба. Куда они собрались? Мы-то летим в Иран, там должна быть жара, моя самая «зимняя» вещь – плащ! Капор?! Шуба?! Через неделю зима в пустыне Деште-Лут заставит нас носить казенные куртки, из тех, что выдавались всем рабочим рудника, и мерзнуть в абсолютно бесснежную и сухую, но холодную погоду декабря и января.

Итак, садимся в автобус. Пара в «мехах» сидит впереди нас, они и из автобуса выходят первыми. Несколько шагов до здания аэропорта. У дамы из кармана шубы падает кошелек, она ничего не замечает, и они идут дальше. Володя поднимает кошелек, мы ускоряемся, договняем, отдаем находку. Мужчина заговорил на английском и перешел на фарси, только когда на фарси ему ответил Володя. Я ничего не поняла на персидском, но из английских слов успела понять, что нас благодарят и приглашают в гости.

Так на следующий день мы оказались в особняке министра шахиншахского правительства. Он занимался Каспием. Наверное, именно поэтому такого качества и в таком количестве черной икры на столе я больше никогда и нигде не видела. Супруга министра была из Канады. Поблагодарить и познакомиться с нами пришел их сын с женой и ребенком.

Кто из нас в благодарность за поднятый кошелек пригласит к себе в дом пусть даже не иностранца, а соплеменника? В Иране доброту и гостеприимность людей мы испытывали на себе неоднократно.

Молодой подтянутый офицер иммиграционной службы, едва взглянув на мой паспорт, поставил в него въездной штамп, и я оказался в таможенном зале. Там нас встретил переводчик из ГКЭС, и мы, получив свой багаж, направились к выходу. К моему удивлению, никто наши чемоданы не проверял, да и таможенников нигде видно не было. Все происходило настолько быстро, что, не успев опомниться, я с другими советскими специалистами оказался в автобусе, и мы поехали по направлению к центру города.

Первое, что я увидел, был освещенный множеством прожекторов монумент, воздвигнутый в честь 2500-летия Ирана, которое отмечалось летом 1973 года. Его название «Шахяд» («Памяти шахов»), и его построили чехи по заказу иранцев.

Иранский национализм переживал период необычайного подъема. Еще бы, 2500 лет непрерывной государственности. Не всякая страна может таким похвастаться. С начала 4 века до нашей эры в Иране сложилось сильное государство во главе с династией Ахеменидов. Территория этого государства простиралась от Египта до Индии. С этого времени и до наших дней Иран ни разу не терял своей государственности. Он существовал наряду с Египтом, Грецией, Римом. Его покорили арабские мусульманские племена в начале 7 века нашей эры, навязали исламскую религию, но и только. Арабы были на очень низкой ступени развития, и иранская культура поглотила их полностью. Арабы просто посадили на трон своих правителей, вся же государственная машина, приводимая в движение иранцами, продолжала работать по-прежнему. То же случилось и с племенами татар в 13 веке. Даже в начале 20 века, в период колониальных владений, Иран не превратился в колонию, а находился хоть под сильным, но лишь

влиянием России и Великобритании. И даже Сталину пришлось убраться из Ирана в 1947 году, хотя всем хорошо известно, как он не любил это делать.

А иранская культура: философия, астрономия, математика, поэзия. Иран дал миру таких величайших поэтов-философов, как Фирдоуси, Саади, Хафиз, Хайям и др. Многие отождествляют иранцев с арабами, но это в корне неверно. Язык Ирана фарси принадлежит к индо-европейской группе языков, тогда как арабский – к семитской.

Мы остановились в гостинице «Надери», расположенной на улице с одноименным названием.

Несмотря на то что время уже было за полночь, на улице еще кипела жизнь и даже некоторые магазины были открыты, не говоря уже о ресторанах. Я смертельно устал с дороги и сразу завалился спать.

На следующее утро первым делом нужно было представиться кадровику в ГКЭС и получить подъемные деньги. После завтрака я спустился в холл гостиницы и по-персидски спросил метрдотеля, как мне пройти в ГКЭС. Он улыбнулся и на прекрасном русском языке указал мне дорогу.

– Вы что, советский? – удивленно спросил я.

– Нет, – ответил он, – я иранец, армянин. Мои родители, как и многие местные армяне, – выходцы из России. Традиционно мы сохраняем русский язык и учим ему наших детей в армянских школах. Мы не хотим терять связь с великой русской культурой. Кстати, в Тегеране много и настоящих русских, белых русских, как мы их называем.

О белых русских я знал из истории. Это были остатки разбитой в Гражданской войне белой армии, которые ушли в Иран, и часть их там осела. Но вот об армянах из России нам ничего в университете не говорили. Позже из разговоров с местными армянами я узнал, что произошло. До революции северные районы Ирана находились под влиянием России и передвижение из одной страны в другую не составляло проблем для населения. Поэтому многие иранские подданные армянской национальности предпочитали жить и работать в России. Они жили в основном на Кавказе и в районах южной Волги. Царское правительство этому не препятствовало. В 30-е годы Сталин начал вводить паспортную систему, и для этого была проведена перепись населения. Вот здесь-то и выявились живущие уже в СССР иностранцы. Им было предложено или принять советское гражданство, или покинуть страну. Принять советское гражданство означало превратиться в рабов системы. К тому времени это уже было очевидно. Покинуть СССР? Но ведь эта страна была уже их Родиной. Третьи и четвертые поколения уже жили на территории России. Некоторые решили принять советское гражданство, некоторые все раздумывали. Но пока они так раздумывали, Сталин принял новое и, как всегда, радикальное решение. Было приказано всех не принявших советское гражданство арестовать и насильственно выслать из страны. Забрать с собой им разрешили только личные вещи, все остальное досталось Сталину. И вот все армяне, ассирийцы, евреи с иранским подданством были на кораблях доставлены в Иран и выброшены на берег в порту Пехлеви. Дальнейшая их судьба советские власти не интересовала. И после всего этого ведь не затаили они злобы на русских, прекрасно понимая, что русский народ, может быть, больше, чем любой другой, страдает от советской власти. Мудрый народ – армяне.

Закончив все формальности, я оказался за стенами советского представительства. У меня было два свободных дня, и я решил посмотреть Тегеран, о котором так много знал по книгам. Проигнорировав предупреждение о том, что по городу можно ходить только группами, я отправился бродить один. И вот здесь только впервые с момента приезда я обратил внимание на персидский язык. На улицах много народа, и все говорят на прекрасном тегеранском диалекте. Чтобы услышать разговор, не нужно особо прислушиваться. Иранцы ведут беседы громко, не стесняясь окружения. Удивительным было то, что я почти все понимал. Каждому студенту-лингвисту известно, что в самые первые дни в стране изучаемого языка основной

проблемой является понимание местного диалекта. Для меня, как оказалось, этой проблемы не существовало, и, слушая певучую иранскую речь, я в душе сказал спасибо моим преподавателям персидского языка за прекрасную подготовку.

На улице Надери множество магазинов. Они занимают все первые этажи зданий по обеим сторонам улицы. Магазины, магазины, магазины! Я решил купить себе джинсовый костюм и пока больше ничего. С ума сходить не нужно. Наткнулся я на магазины, торгующие джинсами, на улице Эстамбули. Джинсами были завалены полки магазинов от пола до потолка. И каких там только марок не было. Перебрав все магазины и примерив десятка два штанов, я так ничего и не выбрал, вконец обозлился и под вечер вернулся в гостиницу, проклиная изобилие капиталистического рынка и Карла Маркса с его теорией законов свободной торговли. Только на следующий день, отойдя от шока изобилия, я приобрел джинсовую пару Wrangler и на этом успокоился. Хватит с меня магазинов, решил я, и провел остаток дня, осматривая достопримечательности Тегерана. На следующий день мне предстояло отправиться в Бафк.

Летим из Тегерана дальше, в Йезд. Об этом городе можно рассказать много, он один из древнейших городов Ирана, ему больше 3000 лет. Уникальный глинобитный город, духовный центр зороастризма. Огнепоклонники в Йезде сохранили самый древний огонь в мире, который не гаснет более 1500 лет. Володя побывал у этого огня, помогли попасть туда персы с рудника, и жрецы ему дали маленький пакетик священной для поклонников Заратустры золы от негасимого пламени. В то время он, по-моему, был первым советским гражданином, посетившим такое уникальное место.

Впервые летим на «боинге». Пассажиров по громкой связи приветствует командир корабля, по речи явный американец; оказалось, что вместе с самолетами США поставляли и шеф-пилотов американцев.

Мы едем в Бафк работать на рудник Чогарт. Володя – переводчик, а я – мастер горного цеха, так написано в контракте. Мне в «Тяжспромэкспорте» предложили работу, и я согласилась, став единственной работающей женщиной в советской колонии. Я буду секретарем у начальника группы советских специалистов, так как секретарь ему не положен, то меня оформили на свободную вакансию.

Мы прожили на руднике год, как и было задумано. Практически 24 часа в сутки вместе. Дом, дорога до офиса на автобусе, офис, дорога обратно, дом. Нас абсолютно не тяготила такая ситуация.

Квартира была вполне приличной, если не считать мусульманский унитаз, имеющий у нас необыкновенное название «чаша Генуя»; в квартирах большей площади были два санузла, один из которых более привычен для европейцев. Удивили и металлическая мебель на кухне, металлические межкомнатные двери и оконные рамы и впервые увиденная стиральная машина-автомат, а еще иранский вариант кондиционера, который называли «кулёр». На крыше был установлен большой ящик, в котором с четырех сторон закреплялись так называемые пушала, маты из какой-то соломы, и была подведена вода, постоянно увлажняющая эти маты. Вентилятор гнал охлажденный и увлажненный воздух в квартиру, что было в жару необходимо, так же как зимой было необходимо топить керосиновые печки, установленные в квартирах. Хорошо, что холодно было недолго.

Жены начальников-иранцев в большинстве своем были европейки. Поэтому отмечать 31 декабря для них было вполне логично. И они могли себе позволить погулять на широкую ногу. 1974 год мы встречали в ресторане нашего поселка. Вполне приличный ресторан, мы с Володей туда ходили иногда обедать или ужинать. Блюда простые, но ни разу ничем не отравились. Обстановка благожелательная, тихая национальная музыка, прохладно, все очень вежливы и обходительны. Из Тегерана из отеля «Мармар» пригласили оркестр, музыканты играли до утра самые популярные в то время мелодии мировой эстрады и, конечно, иранские, особенно

те, которые исполняла Гугуш, звезда эстрады Ирана в то время. За все платила Иранская металлургическая корпорация.

Народ из СССР был достаточно однородный и даже специфический. Но нам повезло. Напарником-переводчиком Володи был Арса Мабусеев. Увидев его впервые – высокий, широкоплечий, внешность восточная, из Ташкента, – было совершенно невозможно предположить, что он по национальности дунганин, то есть этнический китаец. Сначала Арса был один, но вскоре к нему приехала жена, наша необыкновенная и за все эти годы мной (и Володей тоже) не забытая Мэ. То есть Фатима, ведь дунгане – это китайцы, исповедующие ислам. Но нам она представилась по-китайски – Мэ, и о ее полном имени мы и не вспоминали.

Между собой Арса и Мэ, конечно, говорили на родном языке и никогда не позволяли этого при нас. Если даже кто-то из них произносил что-то для нас непонятное, то тут же переводил сказанное. Язык у них был настолько красив своей тональностью, что я иногда подходила к их двери и «подслушивала» разговоры. В двери было вставлено матовое стекло, и Мэ видела мою тень, но давала мне несколько минут насладиться почти пением, так я воспринимала их речь, а потом распахивала дверь и говорила: «Галя, я тебя вижу». Часто мы ходили друг к другу в гости. Каюсь, мне нечем было особо угостить соседей, я мало что умела готовить, только училась, но все блюда, которые предлагала нам Мэ, состоящие из смеси узбекской и китайской кухни, были восхитительны.

Мэ была со мной откровенна и много рассказывала о традициях и укладе жизни своего народа. Как-то днем я зашла к ней, мы сели пить чай, и все время на голове у нее лежал раскрытый носовой платок, вроде еврейской кипы. И я полюбопытствовала:

– Мэ, у тебя на голове платок носовой, зачем?

– Ой, Галя, я забыла его убрать. Когда идешь в туалет, обязательно надо прикрыть голову, чтобы Всевышний не видел, что ты делаешь, а то стыдно. Я здесь платок не ношу, поэтому так закрываю голову.

Очень ценный совет, как избавиться от проблем с кожей, от Мэ (вдруг кому-то из читателей пригодится):

– Все очень просто, Галя. Надо поймать змею, убить ее, снять с нее кожу, хорошо высушить и положить под подушку тому, кто мучается прыщами. Все пройдет очень быстро.

Муж ревновал Мэ, но не к кому-то конкретному, а к ее нежеланию выходить за него замуж.

И Мэ рассказала мне, что действительно не хотела выходить замуж за Арсу. Просто она была к нему равнодушна, но папа сказал, что он уже обещал семье Арсы выдать дочь за их сына и слово свое не нарушит. Арса время от времени интересовался у жены, в кого она была влюблена, раз не хотела идти за него замуж, это продолжало его беспокоить. За него, за такого красавца, – и не хотеть!

О свадьбе они оба со смехом рассказывали нам, что у них есть обычай – жених должен поднять невесту на крышу или куда-то довольно высоко, а невеста всегда в национальном костюме, который предусматривает обязательные шелковые атласные брючки, да и весь костюм шелковый. Материал этот очень своеобразный, невеста часто выскальзывает из рук жениха, поэтому Арса перед свадьбой пришел к невесте с просьбой заменить шелк на что-нибудь «более подходящее для подъема ее на крышу». Видимо, он очень не хотел опростоволоситься перед гостями и родственниками.

Их дом в Ташкенте был строго разделен на мужскую и женскую половины. И Мэ рассказывала мне, что, когда к Арсе приходили его однокурсники и она приносила еду и напитки на стол, тот никогда не представлял ее друзьям как жену, а говорил, что это его сестра, что отчасти было правдой, они были дальними родственниками, но Мэ это задевало.

В поселке был единственный магазин, который торговал всем, – супермаркет. Товар привозили раз или два раза в месяц, и каждый привоз был событием, потому что в Йезд мы

выезжали редко. А в Бафке в лавках можно было покупать овощи и фрукты, но не мясо, хотя иногда приходилось. Подходишь к мясному магазинчику, у дверей выставлены коровьи копыта или даже голова, что должно гарантировать качество покупки. Приезжаешь домой, начинаешь варить и сразу же видишь «мраморность» мяса, чувствуешь запах и понимаешь, что варить это надо несколько часов – верблюжати́на!

Из окна в квартире Мэ был виден супермаркет, поэтому она была в курсе привоза продуктов. Со мной навсегда осталась ее незабываемая фраза, которую она произнесла, прибежав к нам с радостной новостью: «Галя, у той магази́ стоит большо́й маши́на!»

Арса окончил Ташкентский университет, у Мэ не было, по-моему, и семи классов, но она производила впечатление человека образованного, чуткого, скромного. У нее были врожденное чувство собственного достоинства и внутренняя культура, которой частенько не хватало окружающим нас в Бафке советским людям.

На Ноуруз, иранский Новый год, вся Персия путешествует. И нам тоже организовали поездку в Исфахан, Шираз и Персеполис. Конечно, не совсем бесплатно, но сумма была весьма скромной и доступной. Какие скандалы шли в некоторых семьях советских специалистов, когда один из супругов хотел посмотреть страну, а другой был категорически против только из нежелания платить за поездку, предпочитая просидеть в пустыне два, три, а то и четыре года и улететь в Союз, абсолютно ничего не увидев в такой потрясающей стране, стране с такой историей! Но Арса с Мэ и мы с Володей поехали. Удивительно, что потом, прожив в Тегеране пять лет, мы не имели больше возможности путешествовать.

А живое общение с иранцами! В офисе моим постоянным собеседником был молодой иранец, служащий склада на руднике. Когда он узнал, что место его работы по-русски называется «склад», он тут же назвал себя Складчиком. Общались мы на дикой смеси английского, фарси и жестов, прекрасно понимая друг друга, и только в редких случаях просили Володю помочь. Благодаря этой дружбе я начала знакомство с разговорным персидским, а Складчик узнал русские слова, и оба мы совершенствовались английский.

Какими-то неведомыми путями через несколько лет Складчик появился в консульстве и бросился к нам здороваться и обниматься. Он услышал от специалистов, что есть консул с такой фамилией, и, как только приехал в Тегеран, пришел к нам. Мы тоже были очень рады его видеть. Но Володя был обеспокоен последствиями этого визита для Складчика, и после беседы с ним он вывел его через «армянское консульство», предварительно убедившись, что в переулке нет наружного наблюдения и наш друг не попадет в САВАК.

Я побывала в гостях у нашего водителя, он познакомил меня с сестрой; люди абсолютно открыты к общению, хозяин любой лавочки – близкий родственник. Перед отъездом мы решили сшить мне чадру – покрывало, которое носили в то время почти все иранские женщины в провинции и многие, но не все, в больших городах. Просто на память, мы не знали, вернемся ли когда-нибудь в Иран. Я выбрала белую в мелкий цветочек ткань, такие часто носили иранки, и тут же хозяин магазина тканей пригласил нас к себе в дом. Угостил чаем и сладостями, и, пока мне шили чадру, мы сидели у него во внутреннем дворе дома и любовались рыбками, плавающими в фонтане.

И еще. Просто врезался в память рассказ нашего начальника. Тогда, в 1974 году, я совсем не поняла, зачем он это рассказал, и смысл рассказанного до меня не дошел. А в 2022 году его рассказ я вспоминаю часто и пересказываю его друзьям.

Наш шеф по национальности был белорус. Учиться он поехал на Украину в город Кривой Рог. Встретил там девушку, полюбил и решил жениться. Приехал в Минск к отцу за одобрением своего выбора, а отец сказал ему следующее: «У меня в отряде был один хохол – повар, и именно он и оказался предателем. Если хочешь – женись». А был его папа командиром партизанской бригады, Героем Советского Союза, известным и уважаемым человеком в Белоруссии. Сын женился, был в Иране вместе с женой.

Кто служил в Советской армии, тот, конечно, имеет или обязательно знает, что такое «дембельский альбом». Так вот, в Бафке каждому уезжающему дарили такой альбом. И именно благодаря этим черно-белым фотографиям ничего не забылось. Там и Арса с Мэ, и концерт нашей самодеятельности, и друзья-персы. Замечательный был год, за время, проведенное в Бафке на руднике Чогарт, я узнала и навсегда полюбила Иран, народ этой страны, персидский язык и национальную музыку.

Бафк – это маленький городок, расположенный в юго-восточной части Иранского плато в каменно-соляной пустыне Деште-Лут. В городке были одна мечеть, глинобитные мазанки и нищета. Небольшое население занималось в основном скотоводством и мелкой торговлей. Так и остался бы этот городок в безызвестности, не произошли в Иране одно событие, которое привело к развитию в Иране собственной металлургии.

Иранские власти делали попытки создать в стране металлургическую промышленность уже с конца 19 века. Наиболее дальновидные люди понимали, что без собственной тяжелой промышленности Иран будет в постоянной экономической зависимости от развитых стран, и пытались исправить положение. Премьер-министр Ирана Мирза Таги-хан Амир-Кабир привез в страну первую доменную печь в конце 19 века, но этот проект провалился из-за нехватки средств. В 30-е годы Иран подписал соглашение с немецкой компанией «Крупп» о постройке металлургического завода. Работы были прекращены в связи с началом Второй мировой войны. После войны Иран вел переговоры с американцами, шведами, французами, и все они в один голос говорили, что в Иране нет достаточно природной железной руды и что для работы металлургического завода руду надо завозить из-за границы. Но для Ирана это означало все ту же зависимость.

И вот в начале 60-х годов в дело вступил Советский Союз. Специалисты, проведя геологическую разведку, пришли к выводу, что руда в Иране есть в достаточном количестве для постройки металлургического завода. Иранское правительство опасалось политического влияния СССР, но желание создать независимую экономику было сильнее, и в 1963 году между Ираном и СССР было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве, которое предусматривало также и строительство металлургического комбината в Исфахане. При этом подчеркивалось, что сотрудничество между двумя странами будет только экономическое и никакого политического. Шах продолжал оставаться крайним антикоммунистом. Но за чистую экономическую помощь нужно платить наличными, а денег в иранской казне было недостаточно. Нефть не приносила больших доходов, мировые цены на нее были довольно низкие. Оставались ковры и сухофрукты. СССР согласился принять сухофрукты в качестве платы. А еще что? Был еще природный газ на юге Ирана, который сжигался в то время за ненадобностью. Вот его-то иранцы и предложили Советскому Союзу в качестве платы за завод. Но для этого нужно строить газопровод. Советские согласились строить газопровод с юга вдоль западной границы Ирана на территорию Советской Армении. Нужно сказать, что некоторые дальновидные советские эксперты, считая шаха политически ненадежным партнером, предлагали не использовать газ на территории СССР, а развернуть газопровод на юго-запад и продавать газ в Турцию. Если произойдет какой-нибудь конфликт, иранцы газ перекроют, то пусть от этого страдают турки, а не наши. К тому все и шло, но в начале 70-х годов советский руководитель Н. В. Подгорный¹ встретился с шахом и пришел к выводу, что «с этим человеком можно сотрудничать», и турецкий вариант газопровода был отменен, но, как выяснилось позже, совершенно напрасно. С началом энергетического кризиса в 1973 году цены на нефть и газ подскочили невероятно, и иранцы хотели поднять цены на газ, идущий в СССР. Но ведь газ был платой за металлургический завод, стало быть, завод обесценился бы. К тому же цены на нефть в мире

---

¹ Николай Викторович Подгорный – Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1965–1977). – *Примеч. ред.*

поднялись по причине чисто политического характера, и ни Иран, ни СССР не имели к этому никакого отношения (или почти не имели). После мучительных переговоров стороны пришли к соглашению, что цена на газ будет немного повышена, но останется гораздо ниже мировой до полной расплаты за предприятие. Чтобы сбалансировать потери, советская сторона понемногу поднимала цены на запасные части для завода, мотивируя это ростом цен на металл в мире. Так это и продолжалось до революции в Иране. Новые иранские власти решили навести «порядок» в своей экономике и, поверив западной пропаганде о том, что СССР позарез нуждается в иранском газе, предъявили СССР ультиматум: «Или покупайте наш газ по мировым ценам, или мы его перекроем». Советская сторона не стала спорить, а попросту отказалась от дальнейшего использования иранского газа, продемонстрировав и иранцам, и всем остальным, насколько СССР нуждался в этом газе.

Итак, металлургическому заводу нужна руда, и месторождение было открыто в 14 километрах от Бафка. Месторождение – это совершенно уникальная гора. Содержание железной руды в породе составляло более 60 %, и ее прямо без обогащения отправляли на исфаханский завод. Рудник назывался «Чогарт» по имени поселка, расположенного рядом. Вот на этот-то рудник я и попал переводчиком к начальнику группы эксплуатации Михаилу Андреевичу Волянцу. Группа эксплуатации непосредственно занималась добычей руды и отправкой ее на завод.

Кроме группы эксплуатации, на руднике еще работала группа геологов, продолжавших разведку новых месторождений, и группа гидрогеологов, отыскивающих воду для местного населения.

Советские специалисты совместно с иранскими инженерами жили в специально построенном для них поселке Арьямехр в двух километрах от Бафка. Поселок стоял на плато, окруженном горами Загрос. Температура летом доходила до плюс 50 градусов Цельсия. Влажность воздуха – 0. Воздух настолько чист и прозрачен, что создавался оптический обман. Горы, расположенные в десятках километров, казались настолько близкими, что можно было рассмотреть детали. Достопримечательностью поселка была пальмовая роща, единственное зеленое пятно на плато. Среди финиковых пальм был еще и большой розарий, где розы цвели почти круглый год. Весь поселок был огорожен забором из колючей проволоки и охранялся полицией. Иранцы говорили, что колючая проволока – это от барсов и диких верблюдов. Но мне представляется, что она ограждала от контактов с советскими. Рабочие в поселок Арьямехр не допускались. Да и контроль за передвижением советских было легко осуществлять – вход в поселок был только один.

Условия жизни в поселке были комфортабельные. Каждой семье предоставлялся отдельный коттедж из двух, трех или четырех комнат с кондиционером, ванной, стиральной машиной, холодильником, т. е. со всем необходимым, включая посуду. За все это по договору платила иранская сторона. Советским специалистам нужно было тратить деньги только на питание и одежду.

Основную массу советских составляли специалисты по добыче железной руды из города Кривой Рог на Украине. Очень глубокая провинция, и вырваться оттуда за границу – это шанс, который выпадает один раз в жизни. Вот они этот шанс и используют. Основная цель каждого советского специалиста – скопить деньги. Вот они и копят, стараясь истратить как можно меньше каждый месяц. А если расходы только на питание, то можно экономить и здесь, привозя продукты из дома. Некоторые пытались растянуть привезенные продукты до следующего отпуска, доходя до полного истощения. А сколько было случаев голодных обмороков! И все это происходило на глазах у иранцев.

Если посмотреть на эту проблему поверхностно, то можно сказать, что выпустили провинциальное быдло за границу, вот они себя и ведут как скоты. Но не так ведь это просто. Люди-то в основном были хорошие, и нельзя их обвинять за то, что они почти теряли чело-

веческий облик, старясь вырвать свой шанс у жизни. В этом был виноват тот, кто лишил их нормальной жизни в Союзе, кто обкрадывал их и дома, и за границей. Нет, не оговорился я, именно обкрадывал. Мне это стало ясно, когда я, собирая материалы для диплома, натолкнулся на информацию о том, сколько иранская сторона платила СССР за разного рода специалистов в соответствии с договором. Волосы у меня встали дыбом, когда я увидел, что иранцы платят пять тысяч долларов в месяц за каждого советского инженера. А ведь инженер этот получает от своих только триста долларов! А плати ты этому инженеру хотя бы половину этих денег, и не превращался бы он в скота.

Кроме финансовой, есть еще и другая форма доведения советского специалиста до моральной деградации – ПРОДЛЕНИЕ. Формально каждый советский специалист направляется за границу только на год, в конце года срок его командировки продлевается еще на год и так далее. Партийное руководство использует продление как метод морального давления на специалистов. Продление является причиной интриг, сплетен, доносов, принуждения к доносительству, соращению чужих жен и т. д.

Представителей КГБ среди специалистов в Бафке не было, но стукачей хоть отбавляй.

Моя командировка проходила нормально. Я вовсю писал свой диплом на тему «История металлургической промышленности Ирана», и мне иногда нужно было бывать в Тегеране для сбора информации. Мой босс относился к этому с пониманием и довольно часто устраивал мне «служебные командировки» в Тегеран.

Диплом был готов в черновике к концу десятого месяца моего пребывания в Иране.

Где-то в это самое время мой босс сказал, что пишет характеристики на мое продление и предложил подписать согласие на продление командировки на один год. Я ответил, что мне продление не нужно. Я приехал в Иран на один год и по его окончании вернусь в университет. К тому же я ему и раньше говорил, что продлевать командировку не намерен. Оказывается, босс не принимал мои слова всерьез и считал их бравадой с моей стороны. Дело в том, что большинство студентов, приезжающих на годичную практику, оставались в Иране по два-три года, откладывая окончание университета. Это делалось, конечно, из чисто финансовых соображений. Университет относился к этому снисходительно и давления на них не оказывал. Я тоже мог остаться дольше, но в мои планы это не входило. Я не мог позволить себе терять время, меня ждала новая интересная работа.

– Ну вот что, – сказал мой босс, – с твоим согласием или без него я характеристики на тебя направляю в Тегеран, а ты там сам с ними объясняйся.

В Тегеране на этот раз я пробыл три дня. Ходил в кино и часами мотался по книжным магазинам. В то время везде в продаже была книга Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Ее рекламировали везде, некоторые магазины даже выставили неоновые надписи с названием книги. Но я к этой книге не подходил. Увидит стукач с такой книгой в руках, и все рухнет. Не был популярен больше Солженицын среди наших руководителей. А ведь было время, когда Хрущев называл его «вторым Толстым» и чуть ли не дал ему Ленинскую премию по литературе. Еще до приезда в Иран я прочитал в Москве две книги Солженицына: «Раковый корпус» и «В круге первом». Произвели они на меня огромное впечатление, но поделиться я даже со своими друзьями не мог, так как в Москве начинало упорно бытовать мнение, что «тема сталинских преступлений – это далекое прошлое. Она, может быть, и интересна нашим отцам, но не нам. Ну были ошибки и злоупотребления властью, теперь все исправлено и что толочь воду в ступе. Солженицын хоть и талантливый писатель, но свихнувшийся на теме сталинизма человек, который все тянет нас в прошлое, а нам нужно в будущее смотреть». Не дано мне было тогда понять, что все эти настроения среди моих сверстников были порождены самой коварной формой партийной пропаганды – распространением слухов.

Смотрел я на «Архипелаг ГУЛАГ» и вспоминал слова моего приятеля из внутренней службы КГБ, в доме которого я читал книги Солженицына: «Если у тебя дома найдут “Архи-

пелаг ГУЛАГ”, получишь десять лет тюрьмы». Сомневаться в его словах не приходилось, он знал, о чем говорил.

Командировка подошла к концу. Я провел прекрасный год в Иране. Мне удалось посмотреть страну не как туристу, а изнутри. Я побывал в Йезде, Кермане, Исфахане, Ширазе, Персеполисе. Я успел узнать и полюбить иранцев как они есть в обыденной жизни, а не как они представляются туристам.

Отъезд был назначен на 5 декабря. В ночь в Тегеране выпало невероятно большое количество снега. Утром все улицы были завалены, автомобильные пробки, а снег все валил и валил. Утром за нами к гостинице пришел автобус, и мы отправились в аэропорт. По дороге провожавший нас переводчик решил заехать к себе домой, он забыл там какие-то бумаги. Специалисты, как всегда, начали сетовать, что на рейс опоздаем. Времени у нас действительно оставалось в обрез. В общем, мы потеряли минут двадцать. Когда мы подъезжали к международному аэропорту, метрах в пятистах мы попали в автомобильный затор. Из автобуса было видно, что у здания аэропорта что-то происходит. Машины не двигались, и я решил пойти посмотреть, что там происходит. Подойдя к зданию довольно близко, я увидел бегающих кричащих окровавленных людей, суежилась полиция. Я спросил одного полицейского, что случилось.

– Не знаю, – ответил он взволнованно, – пять минут назад там что-то грохнуло и потолок рухнул вниз. Людей завалило ужас сколько. Говорят, это была бомба.

Он посмотрел на меня и добавил:

– Ты вот что, лучше уходи отсюда. Сейчас САВАК нагрянет и начнет всех хватать без разбора, а ты – иностранец.

Я не заставил себя уговаривать и вернулся в автобус. Аэропорт в этот день закрыли, и наш рейс был, естественно, отменен. Вечером в новостях сообщили, что крыша центрального зала международного аэропорта Мехрабад рухнула, не выдержав веса выпавшего снега. Большинство находившихся в зале людей погребены под обломками. Многочисленные жертвы, спасательные работы... Мороз пробежал по коже от осознания того, что, не опоздай мы на двадцать минут «по вине» переводчика, лежать бы нам сейчас заваленными обломками. Мы пошли в бар гостиницы и выпили за свое второе рождение.

На следующий день полеты возобновились. Нас доставили автобусом прямо к самолету. Мы находились довольно близко к разрушенному зданию и видели, что зал внутри завален обломками метра на полтора от пола. Позже стало известно, что большинство находившихся там людей погибли. Невеселым получился мой отъезд.

Глава 2

После моего возвращения из Ирана я на следующий же день позвонил в отдел кадров КГБ Николаю Васильевичу Сакалину, и мы условились встретиться, как обычно, на улице Кузнецкий Мост, дом 27. В мое отсутствие, сказал он, КГБ проверило меня и мою семью «до седьмого колена». Ничего отрицательного не обнаружено. Поэтому сейчас нельзя терять время и нужно быстро пройти медицинскую комиссию, начиная со следующего дня.

Здание медицинской комиссии КГБ расположено недалеко от Лубянки, в Кисельном переулке. Это старый серый дом, типичный для центра Москвы. Вход со двора, так что проходящие по улице Дзержинского не могут видеть, кто входит в это здание. Идя на медкомиссию, я довольно сильно волновался, так как не знал, что там меня ожидает. Много историй приходилось слышать мне от «знающих людей» о специальных трюках на медкомиссии КГБ. Говорили, например, что могут предложить идти по пустому коридору, вдруг гаснет свет, полная темнота, пол проваливается, и человек летит вниз, падает на что-то мягкое, включается свет, и врачи измеряют ему кровяное давление. Или еще: из-под тебя неожиданно выдергивают стул и стреляют над ухом из пистолета, после чего опять же измеряют кровяное давление. И другие истории в том же духе.

В действительности ничего подобного не происходит и, как выяснилось позже, никогда не происходило. Медицинское обследование самое обычное. Кандидат проходит врачей-специалистов: терапевта, лора, хирурга, окулиста, невропатолога и т. д. На втором этапе устраиваются тесты на проверку сосредоточенности, слуховой и зрительной памяти. Никаких шпионских трюков, все довольно пристойно. На заключительном этапе – беседа с психологом. Необходимо отметить, что КГБ почти совсем не применяет полиграф. Существует мнение, что живое общение с кандидатом гораздо надежнее машины. Мой психолог оказался молодым парнем моего возраста, что меня совсем не удивило. Дело в том, что факультет психологии в Московском государственном университете был открыт только в конце 60-х годов. До этого психология в СССР не изучалась и считалась несерьезным «порождением буржуазного общества». Первый выпуск психологов состоялся в 1973 году, вот поэтому-то большинство из них были молодыми людьми без особого практического опыта. Большой процент первого выпуска психологов был принят в КГБ. А куда еще им было идти? Ведь нужды в психологах в народном хозяйстве не было. Об этой профессии в то время и не слышал никто. А в КГБ широкое поле деятельности: кандидаты, сотрудники, диссиденты и т. д. Да и зарплата гораздо выше, чем в любом другом учреждении. Так вот, мой молодой психолог мне особой проверки не устраивал. Перебрал бумаги в моем деле, поговорил со мной о МГУ и отпустил, сообщив при этом, как однокашнику, что у меня все нормально.

Нужно заметить, что, несмотря на простоту формы, медкомиссия КГБ является делом очень серьезным, особенно ее чисто медицинская часть. Малейшее отклонение от установленной нормы в здоровье – и кандидат объявляется негодным для службы в КГБ. К примеру, зрение должно быть 100 %, включая и цветоощущение. Очкариков не принимают. Если раньше кандидат имел переломы костей, операции, серьезные заболевания – негоден. Для кандидата, поступающего в разведку КГБ, положение усугубляется еще и тем, что медкомиссию должна проходить и его жена, к здоровью которой предъявляются такие же требования, как к самому кандидату. Врачи в КГБ настолько всемогущи, что повлиять на их решение не может никто. Но, как говорится в народе, законы для того и существуют, чтобы их обходить. И если создается ситуация, когда КГБ хочет принять кандидата, а врачи его не пропускают, то в ход пускаются дружеские отношения, подарки и пр., которые в Советском Союзе гораздо сильнее законов.

Заключение медицинской комиссии КГБ о годности кандидата может быть также использовано для разрешения щекотливых ситуаций. Если, например, в результате кадровой про-

верки установлено, что кандидат или его жена не подходят для КГБ по анкетным данным (политические взгляды, моральное состояние и т. п.), то им об этом прямо объявлено не будет. Кадровик скажет кандидату, что он или его жена не прошли по здоровью.

От том, что после окончания университета Володя собирается работать в КГБ, я узнала уже после возвращения из Ирана. Сказал он мне об этом без всякого пафоса, никаких разговоров о том, что «я буду разведчиком, мы будем жить за границей», не было. Он сказал, что ему предложили несколько вариантов, но он сделал свой выбор в пользу КГБ. Мне предстояли те же испытания, только несколько облегченные, в виде анкет, собеседований, медицинская комиссия.

Первый раз я иду на Кузнецкий Мост в дом № 27. Действительно, кадровик Николай Васильевич очень приятный и обходительный молодой мужчина.

– Знаете ли вы, что ваш муж дал согласие на работу в КГБ?

– Да, конечно, он мне рассказал, – ответила я, подумав про себя, что незачем спрашивать об этом, не просто же так я пришла, мимо проходила.

– Мы знаем, что некоторые ваши родственники были репрессированы. Нет ли поэтому у вас и ваших близких негативного отношения к нашей организации?

Хороший вопрос. «Мы знаем». А где еще могут об этом знать всё? И какая нежная формулировка – «некоторые родственники». ВСЕ родственники и со стороны папы, и со стороны мамы. Мой дедушка Голованов Константин Григорьевич был расстрелян на полигоне Коммунарка. Он был начальником инспекции, помощником министра в Наркомземе, то есть в Министерстве сельского хозяйства. Его жена, моя любимая бабушка Анна Кирилловна, получила 8 лет, которые отсидела от звонка до звонка. Сначала Бутырская тюрьма, потом АЛЖИР (Акмолинский лагерь жён изменников Родины). В 18 лет моя мама, девочка из благополучной семьи, осталась без родителей, без квартиры (дали комнату в родительской квартире) с сестрой, младше ее на 3 года, и 14-летним братом. Без каких-либо средств к существованию. Сестра в 41-м ушла на фронт добровольцем, «чтобы доказать всем, что мама и папа не виноваты ни в чем». Гвардии старший сержант Голованова Галина Константиновна погибла под Смоленском. Брат мамы прошел всю войну. Был трижды ранен, награжден орденами и медалями. Папин папа был репрессирован, отсидел, вышел на свободу, но прожил после этого недолго. Мой папа прошел всю войну, он окончил Институт связи еще до войны, поэтому его призвали сразу. Его фронтовой друг дядя Володя Луннов признавался ему после одной-двух фронтовых «рюмок», что его обязали следить за ним и докладывать куда надо: «Левка, я ведь стучу на тебя, вызывают, спрашивают, говорят, что надо за тобой присматривать». Они дошли вместе до Германии и продолжали дружить после войны.

И вот, имея такую семейную историю, я абсолютно честно сказала кадровику, что никакого отрицательного чувства КГБ у меня не вызывает. Это было тогда, это не изменилось и по сей день. Никогда в моем детстве и позже никто не обсуждал те времена, не сетовал на испорченную жизнь, на упущенные возможности. Был единственный момент, когда родители не смогли сдержать волнение. Мама плакала, печатала на машинке какие-то бумаги, папа исправлял что-то, и снова перепечатывали. Они подавали документы на реабилитацию своих родителей. На реабилитацию собственной жизни! Лучшие годы они были людьми десятичного сорта, хуже уголовников, ведь те не были поражены в правах. Проведя 8 лет в заключении, бабушка просто выбросила эти годы из своей памяти и никогда не вспоминала лагерь. Я не имела представления о том, что я правнучка царского генерала, что все мужчины в папином роду священники. Все научились молчать. Думаю, что этот урок оттуда, из тех страшных лет. Как это мудро! Бесплезные стенания и обвинения всех и вся ничего бы не изменили, а отравляли бы атмосферу в семье. Поэтому, когда пришло понимание происходившего в нашей

стране в годы репрессий, у меня не было накопленного багажа ненависти и злобы. А то, что я была женой офицера Службы внешней разведки, и сейчас вызывает во мне чувство гордости.

С медицинской комиссией было все сложно, я так нервничала, когда шла в Кисельный переулок, что мне стало плохо на улице Дзержинского в двух шагах от нужного мне дома, и «скорая» увезла меня в больницу. Комиссию пришлось отложить, потом с помощью кадровика, уговорившего врачей, я получила нужное одобрение, хотя не подходила по многим статьям. Да, думаю, Володе тоже пришлось попереживать не только из-за меня. Он уже знал, что страдает дальтонизмом, то есть у него нарушено цветовое зрение. Еще до поступления в ИСАА он получил профессиональное водительское удостоверение и даже успел поработать персональным водителем, а позднее, на летних каникулах, работал в такси в 11-м таксомоторном парке Москвы. Ради того, чтобы сесть за руль, Володя раздобыл книгу проверочных таблиц на дальтонизм, выучил их и прошел медкомиссию. Он сам рассказал мне эту историю. И книжка эта сохранилась до сих пор. Но в КГБ его обман был обнаружен, там были другие способы выявления этого врожденного дефекта зрения. Не знаю, каким образом, но все обошлось, и он благополучно прошел осмотр у окулиста и остался с правами.

В Институте стран Азии и Африки все шло своим чередом. Моя группа оканчивала уже первую половину пятого курса и уходила на преддипломную практику. Мне же предстояло начать занятия со второго семестра четвертого курса, то есть с момента, когда я уехал в Тегеран. Я терял целый год. Но ничего не поделаешь, таковы правила. Доложив в деканат о возвращении, я встретился с заведующим кафедрой истории Ирана профессором Михаилом Сергеевичем Ивановым, который был моим научным руководителем. Он спросил, готова ли дипломная работа. Я ответил, что в черновом варианте диплом закончен и осталось его только перепечатать. Михаил Сергеевич попросил показать ему черновик, прежде чем я начну его перепечатывать. Через несколько дней профессор Иванов вызвал меня на кафедру и сказал, что он ознакомился с моей дипломной работой и остался доволен ее содержанием.

– Вам, наверное, будет интересно узнать, что я не внес ни одной поправки в вашу работу, что случается крайне редко, – сказал он. – Я считаю, что у вас есть академическое будущее и намерен рекомендовать вас в аспирантуру. И еще, поскольку дипломная работа закончена, я не вижу смысла для вас терять целый год и буду ходатайствовать перед деканатом, чтобы они дали вам возможность сдать оставшиеся экзамены экстерном. Если, конечно, вы не возражаете, – добавил он.

За упомянутые шесть месяцев начало разворачиваться еще одно непредвиденное событие. На меня начала насаждать военная кафедра университета. Мой преподаватель военного перевода персидского языка предложил мне после окончания учебы пойти в армию. У меня с ним были хорошие отношения, и я прямо ему ответил, что, прослужив три года срочной службы, я любовью к армии не воспылал, даже совсем наоборот. Но майор Панчехин продолжал:

– Да мы тебя сразу же в Афганистан пошлем. Тебе, может быть, и форму-то носить не придется, – говорил он, намекая на то, что он предлагает мне службу в ГРУ. Я отказывался, но он все настаивал и даже всучил мне анкеты для заполнения.

Анкеты для ГРУ я заполнил и отдал Панчехину. А когда они узнали, что меня забирает к себе КГБ, то жизнь они мне все-таки испортили. По правилам военной кафедры университета каждый студент перед выпуском должен пройти сборы в военных лагерях под городом Ковровом. Студенты, отслужившие ранее в армии, могут быть освобождены от лагерей. До университета я отслужил три года, но они даже и слушать не захотели о моем освобождении от военных сборов. И вместо отдыха после окончания университета мне пришлось провести два месяца в военном лагере. Вот так отомстило мне ГРУ за игру с ними в кошки-мышки. Николай, как ни старался, ничего поделать не смог. «А где же хваленое всеисилие КГБ?» – думалось мне.

Позвонил Володя и сказал, что он в госпитале недалеко от Владимира, в Коврове. Я быстро собралась и помчалась на автовокзал у станции метро «Щелковская». В Ковров приехала ночью, переночевала в какой-то гостинице и утром уже была на КПП военного госпиталя. Когда я увидела мужа, его вид меня просто потряс, за такой короткий срок он похудел, осунулся, цвет лица был землистый. Портрет дополнял халат до колен и торчавшие из-под него солдатские кальсоны с завязками, которые при Володином росте выглядели как детские штанишки. Володя рассказал, что плохо чувствовал себя несколько дней и сообщал об этом начальству, но никакие меры не предпринимались до тех пор, пока он не потерял сознание, – воспаление легких, в госпиталь попал не только он, в военном лагере заболели несколько человек. Ему уже стало лучше, проснулся аппетит, и он с удовольствием съел все, что я привезла из дома. Потом приехали его мама, Елизавета Андреевна, и моя мама. Его еще раз накормили, взбодрили, и он быстро пошел на поправку.

Это был единственный, случай, когда я навещала заболевшего мужа, все последующие годы в больницы попадала я и он приходил ко мне.

Но это случилось немного позже. А пока проходило распределение. Распределение – это церемония официального сообщения выпускнику, куда он направляется на работу. В сущности, в моем институте распределение является чистой проформой, так как каждый выпускник заранее знает, где он будет работать. Заранее – это за год до распределения или более того. Большинство студентов ИСАА являются детьми номенклатурных работников, которые подготавливают все для своих детей загодя, используя свое служебное положение, влияние и связи.

Перед распределением меня вызвал декан и сказал, что против моей фамилии будет карандашом написано «Министерство обороны». Я не должен удивляться, таким образом прикрывается распределение в КГБ.

Церемония распределения происходит в ИСАА в кабинете ректора. Возбужденные выпускники толпятся в коридоре. Вызывают по одному. Моя очередь подходила, когда меня кто-то потянул за рукав. Я оглянулся и увидел профессора Иванова.

– Куда вас распределяют? – спросил он.

– В Министерство обороны, – ответил я после некоторого колебания.

– Как в Министерство обороны?! – выкрикнул Иванов. – Для вас же место в аспирантуре готово. Я же сказал декану, чтобы вас распределили в аспирантуру! – и заспешил по коридору.

Жаль было старика. Больше мне не довелось с ним встретиться. Но до сих пор я задаю себе вопрос, а как бы сложилась моя судьба, останься я в аспирантуре?

Настала моя очередь. В кабинете ректора сидели почти все профессора и преподаватели нашего института. Мне было приятно видеть их улыбающиеся и ставшие близкими за эти пять лет лица. Председателем комиссии по распределению был профессор Юрьев. И вспомнилось мне, как пять лет назад я стоял в том же кабинете перед профессором Юрьевым, председателем тогда мандатной комиссии.

– Этого выпускника особо представлять не нужно, мы его все хорошо знаем. Староста курса, член партбюро института, хороший студент, побывал на преддипломной практике в Иране, рекомендован кафедрой истории Ирана в аспирантуру, но предпочел выбрать другой путь. Владимир Андреевич Кузичкин распределяется в Министерство обороны, – закончил профессор Юрьев с грустной ноткой в голосе.

В документе напротив моей фамилии была карандашом сделана надпись: «Министерство обороны». Я расписался и вышел. Этот этап моей биографии был окончен.

* * *

Это был конец мая. Позвонил Николай и сказал, что со мной хотят переговорить. Кто – не сказал. Мы встретились в обычном месте, прошли вверх по Кузнецкому Мосту, в Фуркасовский переулок, и вошли в помещение бюро пропусков КГБ. Через маленькое окошко я подал свой паспорт прапорщику КГБ в военной форме, и тот, внимательно сверив мою внешность с фотографией в паспорте, выдал мне разовый пропуск для посещения главного здания КГБ – Лубянки – по-простому.

Николай молчал.

– Кто хочет меня видеть? – спросил я.

Николай ничего не ответил, только многозначительно поднял глаза к небу. Это означало, что меня хочет видеть кто-то высокопоставленный. Мы пересекли Фуркасовский переулок и подошли к главному зданию КГБ, расположенному на улице Дзержинского, дом 2, к подъезду № 5.

Передо мной была огромная дубовая дверь метра три с половиной – четыре высотой и довольно тяжелая. За этой дверью оказались небольшой застекленный тамбур и еще одна дверь. За второй дверью – довольно просторное внутреннее помещение подъезда. Невысокие ступени вели к барьеру, преграждавшему вход. По обеим сторонам барьера два узких прохода, охраняемые прапорщиками КГБ в военной форме, которые проверяли пропуска. Движение входивших и выходивших было довольно оживленным. Охранник внимательно осмотрел меня, неторопливо перевел глаза на фотографию в паспорте, сверил все данные в пропуске с паспортом, еще раз посмотрел мне в лицо и только после этого пропустил за барьер. Николай прошел за мной, предъявив свое удостоверение КГБ. И в его случае процедура тщательного осмотра документа повторилась. Сразу за барьером широкая парадная лестница, доходящая до половины первого этажа. Налево от барьера коридор, по которому мы с Николаем и пошли. Паркетный пол, покрытый ковровым линолеумом коричневого цвета, светло-бежевые стены до половины и затем белые в цвет потолка, крепкие двери кабинетов, покрашенные под дуб, спускавшиеся с потолка простые белые шары светильников. И люди, идущие по коридору. Лица хмурые, смотрят в пол, разговоров не слышно, все куда-то спешат. Неприветливая, давящая атмосфера. Или мне это только казалось? В конце концов, с этим зданием было связано столько ужасов из истории нашей страны. И в этот момент никак не мог я отвязаться от одной мысли: «Ведь по этим коридорам водили не так давно арестованных. Что же я здесь делаю?» Мы подошли к лифту. Дверь лифта была железной с маленьким зарешеченным окошком посередине. Точно как дверь тюремной камеры. И когда она с грохотом захлопнулась за нами, то я почувствовал себя не будущим сотрудником этой организации, а заключенным. Лифт маленький, нас было в нем человек шесть, все хмурые. И лицо моего кадровика Николая, обычно веселое, приняло это стандартное выражение. В лифте высокий брюнет средних лет в добротном темно-коричневом костюме рассматривал меня в упор, что, как я уже усвоил, было не характерно для этой организации. Я опустил глаза. Мы вышли на шестом этаже. Сзади грохнула железная дверь, и вновь мурашки побежали по спине. Коридор шестого этажа ничем не отличался от того, что я видел внизу. Мы дошли до середины коридора, и высокий брюнет, который оказался сзади нас, постучал в одну из покрашенных под дуб дверей. Дверь открылась, я и высокий брюнет вошли внутрь, Николай остался за дверью. Кабинет небольшой, с высоким потолком, одним окном с простыми белыми занавесками. В кабинете было три человека. Один сидел за письменным столом спиной к окну, два других – за столом, покрытым зеленым сукном, для посетителей. При нашем появлении они встали. Высокий брюнет представил меня, мы обменялись рукопожатиями, но своих имен они не назвали. Предложили сесть. Они молча смотрели на меня, я смотрел на них. Двое были точно кавказцами. Один с седыми волосами,

другой с черными курчавыми, оба примерно за пятьдесят. Сидевшему за письменным столом хозяину кабинета было где-то в районе шестидесяти. Интеллигентное лицо, умные глаза. Его лицо показалось мне очень знакомым, но я не мог вспомнить, где я его видел. Молчание, как мне показалось, длилось вечность, хотя, наверное, прошло всего несколько секунд.

– Мы понимаем, что вы только что вернулись из Ирана. Как вам понравилась эта страна? – спросил хозяин кабинета.

Я ответил, что страна и люди мне понравились, и мы начали говорить о шахе, политике и экономике Ирана. Кавказцы молча кивали. Вдруг черноволосый на чистейшем персидском языке сказал: «Вы не возражаете, если мы поговорим на персидском языке?» Какие тут могут быть возражения, подумалось мне. Мы поговорили о моей работе в Иране, и я был поражен, насколько чисто владел этот человек тегеранским диалектом. Уж не иранец ли он, мелькнула мысль. Закончив разговор, «иранец» посмотрел на хозяина кабинета и одобрительно кивнул.

– Приятно было с вами познакомиться, – хозяин кабинета поднялся из-за стола, давая понять, что беседа окончена. – Надеюсь, мы снова скоро встретимся с вами в этом здании.

«Где же я его видел?» – крутилось у меня в голове.

Мы вышли из кабинета с высоким брюнетом и начали спускаться вниз по широкой лестнице.

– Кто был этот человек, который так хорошо говорит по-персидски? – спросил я.

– Обычный переводчик, – ответил брюнет холодно.

Я понял, что мой вопрос оказался неуместным.

Внизу перед барьером брюнет подписал мой разовый пропуск. Охранник вновь неторопливо проверил мой паспорт и отобрал пропуск. Уже за барьером меня ожидал Николай. Он обменялся многозначительным взглядом с брюнетом, и мы вышли из здания. На улице я почти физически ощутил, как эта неприветливая, холодная и давящая атмосфера Лубянки свалилась у меня с плеч.

– Что, впечатляет? – спросил Николай.

– Очень даже, – ответил я.

– Ну рассказывай, о чем с тобой говорил Корзников? – спросил Николай.

«Корзников!» – молнией ударило у меня в голове, и лицо хозяина кабинета обрело фамилию. И я вспомнил, как в Тегеране в книжном магазине я просматривал книгу Джона Баррона «КГБ» и мое внимание привлекло умное лицо на одной из фотографий. Под фотографией стояла подпись: «Николай Алексеевич Корзников, заместитель начальника Управления нелегальной разведки КГБ».

«Так вот, значит, где мне предстоит работать», – подумал я, и мое сердце забилось чаще. В тот момент я знал о нелегальной разведке только по книгам и фильмам, рассказывающим о героях-нелегалах, работавших под боком у Гитлера во время войны и других западных лидеров после нее. Слышал я и о полковнике Абеле, арестованном американцами, но «не раскрывшем свою сеть из сотен агентов», и о Гюнтере Гийоме, нашем нелегале, который смог занять место ближайшего друга канцлера ФРГ Вилли Брандта. И вот мне предстояло работать ТАМ и с ЭТИМИ ЛЮДЬМИ! Было от чего прийти в волнение.

* * *

31 августа 1975 года мне было приказано явиться в 7 часов утра к бассейну стадиона «Динамо». Николай объяснил, что это место сбора слушателей перед отправкой их в Краснознаменный институт ПГУ, или, как его коротко называют, «Школа 101». Само место сбора меня довольно удивило. Дело в том, что все мое детство прошло в этом районе. С семи лет я начал заниматься плаванием в бассейне «Динамо», затем позднее я занимался боксом и греблей на стадионе «Динамо», ходил с друзьями в кинотеатр «Динамо». Но никогда не слышал,

что КГБ имел какое-либо отношение к этому спортивному клубу. Конечно, я знал, что болельщики называют футболистов команды «Динамо» «мусорами», точно так же как и работников московской милиции, но никогда параллели для себя не проводил. Однако многим было известно, что спортивное объединение «Динамо» принадлежит Министерству внутренних дел (МВД). Но вот то, что сотрудники КГБ пользуются услугами «Динамо», и не только в спортивных целях, неизвестно широким слоям советской общественности. Такая информация в СССР не афишируется.

Итак, в 7 часов утра я вышел со станции метро «Динамо». Бассейн находился прямо передо мной. За решетчатой оградой бассейна я увидел несколько автобусов и довольно большую группу людей, человек пятьдесят. 31 августа было воскресенье, и в столь ранний час улицы были совершенно пусты, поэтому наше сборище внимания не привлекало. А если какой-нибудь случайный прохожий и увидит группу людей и автобусы на территории бассейна, то подумает, что это спортсмены куда-то едут. Все продумано.

Недалеко от входа стоял человек и регистрировал прибывающих. Я подошел к нему, назвал себя, и он черкнул что-то на своем листе. Оглядевшись вокруг, я увидел своего сокурсника, подошел к нему, и мы начали вполголоса разговаривать. Оказалось, что группа, пришедшая к семи, была не первой. Первая группа была отправлена автобусами куда-то в 6 часов утра. Вскоре наш разговор был прерван командой (которая более была похожа на вежливое предложение) занять свои места в автобусах, и мы поехали. Поскольку этот район Москвы мне был хорошо знаком, было легко понять, куда мы едем. Автобусы пошли по Ленинградскому проспекту в сторону Кольцевой дороги, миновали станции метро «Аэропорт», «Сокол», затем вышли на Волоколамское шоссе, прошли через Тушино, пересекли Кольцевую дорогу и сразу же за ней повернули направо, на Пятницкое шоссе, по которому и пошли в северо-западном направлении. В автобусе стояла полная тишина, никто не разговаривал, все сидели с очень серьезными лицами, хотя (я совершенно в этом уверен) каждому хотелось знать, куда же это нас везут. Проехав примерно километров 15, за деревней Юрлово автобусы свернули направо и проехали под дорожный знак «въезд запрещен». Дорога повела нас вглубь довольно густого леса. Примерно через километр автобусы остановились перед высокими воротами, за которыми ничего нельзя было разглядеть. Ворота открылись, и нас пропустили внутрь. Мы вышли из автобусов. Перед нами оказалось четырехэтажное здание из светло-желтого кирпича. Направо от него было второе похожее здание, соединенное с первым воздушным коридором на уровне второго этажа. Стоянка для машин, несколько теннисных кортов, цветы кругом – ну точно как в типичном подмосковном доме отдыха. Через застекленные двери центрального входа нас провели в просторный вестибюль, прямо по коридору и остановили перед дверью. Сопровождавший нас человек объявил, что начальник школы Волосов будет беседовать с каждым из нас в отдельности. Каждого будут вызывать по имени и отчеству, а пока мы должны спокойно ждать своей очереди. О спокойствии он мог и не предупреждать, так как атмосфера неизвестности отбила у большинства из нас охоту шутить.

Вскоре меня вызвали в кабинет, где за столом сидели два человека. При моем появлении они встали. Мы обменялись рукопожатиями.

– Начальник школы полковник Волосов, – представился высокий полноватый с приятным лицом человек. – А это полковник Стерликов, мой заместитель, – продолжил он.

Мы сели.

– Мне хотелось бы познакомить вас с некоторыми правилами нашей школы, – вновь заговорил полковник Волосов. – Вы, конечно, обратили внимание на то, что вас вызвали в кабинет только по имени и отчеству. Это не случайно. Для развития у наших слушателей чувства конспирации и по соображениям безопасности мы на срок обучения в школе меняем ваши фамилии. Если вы не возражаете, мы предлагаем вам принять на один год фамилию Корсаков, имя и отчество остаются ваши. Второе. Срок обучения в нашей школе один год. Вы будете жить в

школе всю неделю. Уходить с территории школы разрешается только со второй половины дня субботы до семи часов утра понедельника. Вы будете жить в комнате с еще одним слушателем, надеюсь, вы подружитесь. Однако чем меньше он о вас знает, тем лучше. Вам все понятно? – спросил он, дружески улыбаясь.

– Так точно, товарищ полковник! – четко по-военному ответил я.

– А, вот еще одно. Хотя все мы здесь носим военные звания и дисциплина в школе военная, армейскую форму обращения друг к другу мы не поощряем. Мы готовим вас для работы за границей, и поэтому вести себя вы должны как обычные гражданские люди. И если вы не привыкли к военной форме обращения, то и не стоит. А тем, кто привык, придется отвыкать. Ну, устраивайтесь.

В одиннадцать часов утра нас всех собрали в общем лекционном зале на втором этаже. На сцене за столом сидели Волосов, Стерликов и еще примерно шесть незнакомых людей.

– Прежде чем мы приступим к нашей рутинной работе, нам необходимо провести один тест, – сказал Волосов.

«Тест?! Какой тест?!» – наверняка пронеслось у многих из нас в голове. Ведь большинство из нас ожидали столкнуться с чем-то необычным и опасным в этой школе, все-таки школа разведки КГБ. Каждому из нас раздали по листу бумаги и предложили написать в правом углу свою фамилию. К микрофону подошел человек и объяснил смысл теста: он будет читать группы цифр, которые мы должны записать как можно подробнее. Чтобы усложнить нашу задачу, во время его чтения будут включены помехи.

«И это все? – подумали мы с облегчением. – Это же точно как в армии, упражнение на прием радиопередачи с помехами. Наверняка они приберегают что-то «настоящее».

Тест был завершен в несколько минут, и мы сдали свои записи. Забегая вперед, скажу, что никогда мы не узнали о результатах этого теста и никогда никто нам о нем не напомнил. Если и был в этом какой-то смысл, то я его не вижу.

Нам сообщили, что нас на курсе 120 человек, которые делятся на четыре отделения по тридцать человек в каждом. Каждому отделению придавался руководитель. Ими оказались сидящие на сцене пожилые люди. Руководителем моего третьего отделения был назначен полковник Павел Кузьмич Ревизоров, пожилой лысеющий седой мужчина, с широким носом и каким-то подозрительно-злым прищуром в глазах. В каждом отделении был назначен старшина отделения из слушателей, которые до приема в «Школу 101» уже послужили в других управлениях КГБ или республиканских КГБ. Затем нас ознакомили с распорядком дня. Типичный армейский распорядок, никакого личного времени.

На следующий день, в понедельник, 1 сентября, начались учебные занятия. Первая лекция была посвящена структуре Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР (в то время еще «при Совете Министров», отделение КГБ произошло позднее). Лекция была прочитана нам одним из преподавателей школы. Никаких диаграмм о структуре КГБ нам показано не было. Содержание лекции было схематичным и довольно кратким.

Центральный аппарат КГБ состоит из девяти Главных управлений и управлений.

Первое Главное управление занимается внешней разведкой (ПГУ). В него входят четыре управления: Управление «С» (нелегальная разведка), Управление «К» (внешняя контрразведка) и Управление РТ (разведработка, проводимая среди иностранцев на территории СССР; две службы: Служба 1 (обработка полученной развединформации) и Служба «А» (активные мероприятия, или, попросту, – дезинформация) – и двенадцать географических отделов, занимающихся в основном сбором политической информации в своих регионах:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.